

УДК 94 (47); ББК 63.3(2)521

Е. М. Болтунова

«КРАЙ... ОТ ВЗОРА МОНАРШЕГО НЕСКОЛЬКО ОТДАЛЕННЫЙ»: ЦЕНТРАЛЬНАЯ РОССИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА*

Одним из первых указов В. В. Путина, подписанным всего через несколько дней после избрания на первый президентский срок, стало создание в России особых единиц административно-территориального деления – федеральных округов. В документе, датированном 13 мая 2000 г., новое позиционирование определялось потребностями экономического развития и необходимостью реализации геополитических задач, а закрепленное на законодательном уровне разделение страны на центр, северо-запад, юг, Северный Кавказ, район Волги, Урал, Сибирь, Дальний Восток вполне отражало исторически сложившееся позиционирование.

Существующий уже больше двух десятков лет Центральный федеральный округ с административным центром в Москве при перечислении традиционно упоминается первым. Он включает в себя 17 областей от Твери, расположенной рядом со столицей, до черноземных земель Воронежа и Тамбова и от приграничного Смоленска до Костромы в Верхневолжье. По сути, речь идет о территории, соотнесенной с историческим ядром страны – условно, пространством европейской территории Московского царства, землями, именовавшимися впоследствии Центральной Россией или великорусскими / великороссийскими областями.

Интересно, что созданная в начале 2000-х гг. система федеральных округов оказалась сформирована без прямых отсылок к категории «запад» – у современной России нет Западного федерального округа¹, а приграничные Смоленская и Брянская области входят в Центральный округ. Фактически в рамках официального дискурса центральные

* Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ. Автор благодарит за помощь в сборе материала П. А. Шашонкова.

¹ Эти рассуждения нельзя экстраполировать на другие территориальные единицы. Существенно, что границы современных федеральных округов не совпадают с границами военных округов, среди которых есть и Западный военный округ.

районы страны начинаются прямо от границы, что является замечательным примером проекции устойчивых ментальных установок на категории географического порядка. Власть не готова признать Смоленск и Брянск западом, а в региональном позиционировании на уровне указания на макрорегионы фигурирует исключительно категория «северо-запад», отсылающая к имперскому периоду (административным центром

Северо-Западного федерального округа является Санкт-Петербург).

Сейчас Центральная Россия воспринимается как регион, существующий в рамках целой системы оппозиций. Эта самая густонаселенная часть страны мыслится как территория «малых городов» и не считается социально и политически активной или значимой. Ключевая для выстраивания исторического нарратива Центральная Россия за пределами городов Золотого кольца до недавнего времени оценивалась как малопривлекательная для туристов, а сам регион считался неразвитым, неблагоустроенным и находившимся на периферии общественно-политического внимания и движения денежных потоков. Важно и то, что эта территория – историческое ядро страны – не мыслит себя в рамках единства, выстраивая собственную идентичность с учетом множества границ (нечерноземные территории, Черноземье, пространство «Золотого кольца» и пр.) или, напротив, акцентируя внимание на категориях трансграничности, как в случае со Смоленской областью, для которой особое значение имеют связи с Белоруссией.

В отличие от литературы, посвященной исследованию других макрорегионов (например, западных окраин Российской империи, Уралу, Сибири и Дальнему Востоку²) Центральная Россия как отдельный регион не осмыслена. Авторы аналитических и краеведческих работ для изучения и описания часто выбирают сугубо локальные территориальные объекты – «Смоленщина», «Брянщина», «Владимирская земля/губерния/область», «Калужский край», «Ярославский край», «Ивановская промышленная область» и пр.³ В исследовательском дискурсе регион «распадается» на множество мелких элементов, соотнесенных с губерниями/областями, но мало связанных друг с другом и не апеллирующих к идее этнического, культурного или тем более политического

² В качестве примера можно указать на исследования Сибири, чрезвычайно активно растущее исследовательское поле, представленное несколькими специализированными журналами («Гуманитарные науки в Сибири», «Sibirica: Journal of «Siberian Studies») и целым рядом серьезных работ. См., например: Сибирь в составе Российской империи / Под ред. Л. М. Дамешек, А. В. Ремнева. М., 2007; Регион в истории империи. Исторические эссе о Сибири. М., 2013; Люди империи – империя людей: Персональная и институциональная история Азиатских окраин России: Сборник научных статей / Отв. ред. Н. Г. Суворова. Омск, 2021; *Badcock S.* A Prison without Walls? Eastern Siberian Exile in the Last Years of Tsarism. Oxford; New York, 2016; *Beer D.* The House of the Dead: Siberian Exile Under the Tsars. New York, 2017; *Gentes A. A.* Exile, Murder and Madness in Siberia, 1823–1861. New York, 2010; *Hartley Y. M.* Siberia: A History of the People. London, 2014.

³ См., например: *Крашенинников В. В.* Из истории селений Брянского района. Брянск, 2004; *Попова М. П.* На благо Владимирского края. Социокультурная деятельность предпринимателей Владимирской губернии (вторая половина XIX – начало XX вв.). Владимир, 2011; *Балдин К. Е.* Ивановский край в истории Отечества. Иваново, 1998; *Околотин В. С.* Ивановская промышленная область (1929–1936 гг.): Уроки экономической истории. Иваново, 2009; *Берговская И. Н., Филимонов В. Я.* Калужская Советская республика: История в документах. Калуга, 2012; *Чайкин Е. В.* Православные страницы истории Калужского края: Историко-краеведческое учебно-методическое пособие. Калуга, 2015.

единства. Периодическое появление терминов, отсылающих к областям современной России, таких, например, как «Верхневолжье» (как правило, отсылка к Твери и, реже, Ярославлю и Костроме) или, что встречается чаще, Черноземье не оказывают большого влияния на изменение исследовательской повестки в отношении взгляда на эту территорию⁴. Исключение, однако, составляют работы М. В. Лескинен и Л. Е. Горизонтова, посвященные Центральной России / великорусским областям как целному региону⁵. Отметим, что и для англо-американской историографии Центральная Россия вне изучения малых этнических групп, проживавших на этой территории, и вопросов формирования имперской конфессиональной политики в отношении последних, также интереса не представляет⁶.

Эти наблюдения позволяют сделать вывод, что из поля зрения ученых выпадает исключительно значимая в историческом отношении территория. Очевидно, причины подобного смещения следует искать в восприятии категории «регион», который в России часто «прочитывается» через историю национальностей и языковой политики, при этом предлагаемая перспектива исключает из общего рассмотрения русских. Очевидно также, что речь идет и о влиянии идеологических установок XX века, сформированных в отношении к русским и территориям их проживания⁷.

Предлагаемая статья представляет собой попытку проблематизации ряда аспектов, связанных с историей Центральной России в первой половине XIX столетия, то есть в период правления Александра I и Николая I. Выбор хронологии определяется

⁴ В последнее время в этом отношении наметились изменения, что видно по тематике защищенных кандидатских диссертаций. См., например: *Адамов М. В.* Восстановление и реконструкция стекольной промышленности Центральной России (1946–1965 гг.): На материалах Брянской, Владимирской, Горьковской, Калининской, Московской, Смоленской областей: Дисс. ... канд. ист. наук. Владимир, 2004; *Акимова Т. М.* Земства Центральной России в период революционных потрясений: Март 1917 – май 1918 гг.: На материалах Костромской, Тверской, Ярославской губерний: Дисс. ... канд. ист. наук. Владимир, 2007; *Иванова Е. Г.* Комитеты крестьянской общественной взаимопомощи Западных губерний Центрального региона России: 1921–1927 гг.: Дисс. ... канд. ист. наук. Калуга, 2006.

⁵ *Лескинен М. В.* Великоросс / великорус: Из истории конструирования этничности. Век XIX. М., 2016; *Горизонтов Л. Е.* 1) Внутренняя Россия на ментальных картах имперского пространства // *Культура и пространство. Славянский мир.* М., 2004. С. 201–216; 2) Образы Центрального региона Российской империи как отражение вызовов второй половины XIX – начала XX столетия // *Механизмы власти. Трансформации политической культуры в России и Австро-Венгрии на рубеже XIX–XX вв.* М., 2009. С. 83–91.

⁶ Исключение составляет, пожалуй, работа Кэтрин Евтухов о Нижнем Новгороде: *Evtukhov C.* Portrait of a Russian Province: Economy, Society, and Civilization in Nineteenth-Century Nizhniy Novgorod. Pittsburgh, 2011.

⁷ О советской политике в отношении русских, представлении их как «неудобной» нации см.: *Хоскинг Дж.* Правители и жертвы. Русские в Советском союзе. М., 2012; *Слезкин Ю.* СССР как коммунальная квартира, или каким образом социалистическое государство поощряло этническую обособленность // *Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период: Антология / Сост. М. Дэвид-Фокс.* Самара, 2001. С. 329–374; *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М., 2011.

поиском более ранней (по отношению к советской и постсоветской ситуации) презентационной модели или взгляда на регион. Исследовательская гипотеза состоит в том, что сложившаяся перспектива с течением времени обрела формы ментального конструкта, который оказался во многом неизменным даже при радикальной смене политических режимов (Российская империя, СССР, постсоветская Россия). Проанализируем три вопроса – определение имени и границ территории, выбор главного символа и складывание управленческой модели.

Имя и пространство

Обращение к исторической перспективе территории, о которой идет речь, практически сразу обозначает две ключевые проблемы – отсутствие четкого и общепринятого имени – перед нами своего рода No Name Land, и отсутствие очерченных границ. При ближайшем рассмотрении оказывается, что эти проблемы взаимосвязаны.

Регион не имеет некоего цельного обобщающего наименования, соотносимого, например, с такими топонимами как Урал, Сибирь или Дальний Восток. Центральная Россия – лишь один из вариантов названия. Применительно к этой территории (или ее части) в разное время использовали такие маркеры как «внутренние губернии» (внутренняя Россия)⁸, «великорусские / великороссийские губернии», «коренная Россия», «средняя полоса России» («срединная Россия») и, наконец, «Центральный (промышленный) район» и «Черноземье / Нечерноземье». Существенно, что каждый из приведенных терминов имеет свою специфику и может менять наполнение в зависимости от исторического периода и позиции того, кто его использует.

Подобная вариативность не является чем-то уникальным. В конце концов, у каждой территории всегда есть несколько имен. Например, территории, присоединенные на западной границе империи при Екатерине II, помимо названия губернии могли именоваться Литвой или маркировались как территории, «присоединенные от Польши». Однако номенклатура такого рода ограничивалась обычно двумя–тремя позициями. В случае с Центральной Россией наименований было намного больше, а стоящее за каждым из них содержание не было стабильным. Иными словами, речь шла не столько о вариативности, сколько о множественности, указывающей на предпринимавшиеся с заметной частотой попытки переописания территории.

Обращает на себя внимание и выбор наименований, особенно укрепившихся в XX в. В частности, термин Нечерноземье, активно использовавшийся в позднесоветской официальной лексике, уникален в своем роде, поскольку в этом случае территория позиционируется в рамках противопоставления (Черноземье – Нечерноземье) и, что важнее, получает имя «от противного» (по отсутствию состава почв). Существенно, что большая часть использовавшихся названий (за вычетом «великорусских областей») никак не соотносится с этническим компонентом. И это при том, что, по точному замечанию М. В. Лескинен, указанная территория «представляла собой не просто одну

⁸ Л. Е. Горизонтов полагает, что «Внутренняя Россия мыслилась частью Великороссии, находящейся в поле непосредственного тяготения Москвы... [которая] в дореволюционной административной практике трактовалась весьма расширительно» (*Горизонтов Л. Е. Внутренняя Россия... С. 202–203*). О дискуссии в связи с этим понятием см. также: *Лескинен М. В. Великоросс / великорус... С. 113–114*.

из административных единиц пространства Империи; ее границы очерчивали пределы государствообразующего этноса в целом и русскости в частности»⁹.

Многочисленные источники второй половины XIX столетия, прежде всего, географические, этнографические и статистические описания России, фиксируют сложность в определении четких границ региона. В литературе высказывается мнение об устойчивости административно-губернского и экономико-зонального членения пространства в этой части страны, а также «незавершенности и противоречивости процесса формирования... представлений о великорусских губерниях в различных (научном, политическом, правовом и историческом) дискурсах»¹⁰.

Однако трудности с фиксацией границ не являются чем-то существовавшим объективно на протяжении всего имперского периода. Напротив, законодательные и делопроизводственные источники второй половины 1810-х – 1820-х гг. демонстрируют, что осознание пространственной составляющей, а равным образом апелляции к конкретному имени этого региона носили устойчивый характер. Так, указ о винных откупах 1817 г. уже на уровне заголовка («Устав о питейном сборе и учреждения для управления питейного сбора в 29 великороссийских губерниях») ¹¹ задавал конкретную территориальную рамку ¹². Согласно указу, монаршая воля распространялась на «29 великороссийских губерний», в числе которых были названы Архангельская, Астраханская, Владимирская, Вологодская, Воронежская, Вятская, Кавказская, Казанская, Калужская, Костромская, Курская, Московская, Нижегородская, Новгородская, Олонецкая, Оренбургская, Орловская, Пензенская, Пермская, Псковская, Рязанская, Санкт-Петербургская, Саратовская, Симбирская, Смоленская, Тамбовская, Тверская, Тульская, Ярославская губернии ¹³.

Как мы видим, в перечень вошли территории, которые на современной карте представляют самые разные регионы страны – от европейского севера до Черноземья, от средней полосы до Поволжья и Урала, при этом некоторые из них (например, Кавказ и Казань) сейчас плотно увязаны с другим этническим компонентом. Заслуживает особого внимания и упоминание Казани и Астрахани, территорий, которые в рамках публичной памяти современной России никак не соотносятся с ядром страны, а, напротив, осмыслены как завоеванные Иваном Грозным, то есть маркированные как присоединенные и иные в конфессиональном отношении.

В александровский и раннениколаевский период правления указание на «29 великороссийских губерний» обладало устойчивостью. Например, в 1824 г. появилось «Высочайше утвержденное положение Комитета Министров об определении в Казенные палаты 29 великороссийских губерний особых архитекторов» ¹⁴, а через 2 года уже николаевский «Указ о торгах и на питейный откуп в 29 Великороссийских губерниях» ¹⁵. В обоих случаях список из 29 губерний представлен не был, а, значит, можно предположить,

⁹ Лескинен М. В. Великоросс / великорус... С. 91.

¹⁰ Подробнее см.: Лескинен М. В. Великоросс / великорус... С. 107.

¹¹ Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ). Собрание 1. Т. 34. № 26764. С. 134–172.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 135.

¹⁴ ПСЗ. Собрание 1. Т. 39. № 29961. С. 395–396.

¹⁵ ПСЗ. Собрание 2. Т. 1. № 467. С. 774–782.

что он воспринимался современниками как общеизвестный. В делопроизводственной документации второй половины 1810-х – 1820-х гг., на страницах которой фигурируют император, Государственный совет и министерство финансов, «29 великороссийских губерний» также упоминаются как категория очевидная и сама собой разумеющаяся¹⁶.

Вместе с тем документы этого и более раннего, екатерининского периода, могли обозначать категорию «великороссийских губерний» и как группу из 25–26 губерний, удаляя из списка столичные территории, а также Кавказ, Астрахань или Оренбург¹⁷. Так, в источниках александровского периода встречаются формулировки «28 Великорусских губерний и Кавказская область» или «26 Великорусских губерний и Кавказская область». В последнем случае Петербургская и Московская губернии упоминались отдельно¹⁸. Подготовка несколькими десятилетиями ранее екатерининского «Устава народных училищ» (1786 г.), распространенного в окончательном варианте на все губернии и наместничества Российской империи¹⁹, сопровождалась обсуждением вопроса о территории, на которую следовало распространить нововведение. За несколько месяцев до публикации указа императрица размышляла о возможности открыть народные училища первоначально лишь в великороссийских областях. При этом назывались 25 губерний – Новгородская, Тверская, Олонецкая, Архангельская, Псковская, Смоленская, Тульская, Калужская, Орловская, Курская, Ярославская, Вологодская, Владимирская, Костромская, Нижегородская, Пензенская, Казанская, Вятская, Симбирская, Саратовская, Воронежская, Рязанская, Тамбовская, Пермская, Московская²⁰. Губернии в документах перечислялись в вышеприведенном порядке, то есть в географической последовательности от условного севера к югу и востоку. Список завершался центром этой территории, в роли которого выступала Москва.

С течением времени ситуация менялась – во второй половине столетия статистики, этнографы, военные и географы в соответствии со стоящими перед ними задачами, начали разработку альтернативных вариантов «прочтения» пространства центральных, великорусских территорий²¹. Границы региона начинали сужаться, а входящие в его состав земли соотноситься с природными и географическими позициями, вытесняя прежде активные маркеры этничности. Так, «Военно-статистическое обозрение Российской империи», опубликованное по распоряжению Генерального штаба в конце 1840-х – начале 1850-х гг. зафиксировало всего пять великорусских губерний – Московскую, Владимирскую, Рязанскую, Тульскую, Орловскую и Калужскую²². Остальные территории, называемые прежде «великорусские / великороссийские» были отнесены к «северо-западным», «северо-восточным», «верховым приволжским»,

¹⁶ См., например: РГИА. Ф. 560. Оп. 6. Д. 107. Л. 3 об.

¹⁷ РГИА. Ф. 560. Оп. 6. Д. 301. Л. 1-2.

¹⁸ РГИА. Ф. 565. Оп. 3. Д. 8265, Л. 1, 11 об – 21; Ф. 560. Оп. 6. Д. 301. Л. 1.

¹⁹ ПСЗ. Собрание 1. Т. 22. № 16421. С. 646.

²⁰ РГИА. Ф. 730. Оп. 1. Д. 89. Л. 2.

²¹ М. В. Лескинен полагает, что к середине XIX в. оформилось две версии состава великорусских земель, одна из которых включала в себя северо-восток Московского царства и Верхневолжье, вторая же присоединяла к региону новгородские и псковские земли. Однако в этом контексте стабильно упоминались только Тверская, Нижегородская, Рязанская, Ростовская и Ярославская губернии (*Лескинен М. В. Великоросс / великорус... С. 103*).

²² Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. 6. Ч. 1–6. СПб., 1848–1858.

«низовым приволжским», «средним (черноземным)» и частично «белорусским» губерниям. В издании появились отдельные тома, посвященные Оренбургскому и Кавказскому краям.

В более поздних обзорах категория «великорусские / великороссийские территории» и вовсе исчезает, при том, что авторы подобных работ не стремились к принципиальному отказу от этнически окрашенной лексики. Хорошим примером в этом отношении может стать многотомное издание «Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России», изданное в 1880-е гг., в котором были представлены тома о губерниях «центральной земледельческой» (Рязань, Тула, Калуга, Орел, Курск, Воронеж, Тамбов, Пенза) и «московской промышленной области» (Москва, Тверь, Ярославль, Кострома, Нижний Новгород, Владимир) и одновременно – о малороссийских и литовских и белорусских областях²³.

В это время в рамках властных интерпретаций категория «великорусские / великороссийские» губернии также стремительно исчезала. Эти территории чаще именовали по названию губернии или в связи с природно-климатическими особенностями. В последнем случае «великорусские» губернии могли оказаться сразу в нескольких категориях, например, при разделении страны на северную, среднюю и южную зоны²⁴. К концу столетия все большее распространение получала практика наименования великорусских губерний «средней» или «срединной» Россией²⁵. Без сомнения, властный нарратив, задействованный при описании Центральной России, не являлся автономным по отношению к активно развивавшемуся в это время полю научно-практического изучения пространства страны и подвергался пересмотру и трансформации. Более того, в дальнейшем необходимо прояснить вопрос взаимного влияния этих установок.

Интересно, что в рамках властного нарратива конца николаевского правления великорусские губернии не маркировались как цельный регион даже при необходимости указать на совокупность территорий, находящихся за пределами ядра. Так, в утвержденных в 1851 г. правилах нового устройства земских повинностей при описании территории, на которую распространялись «особенные положения о земских повинностях», мы не обнаружим никаких попыток сформировать границы территории по принципу «все кроме великороссийских». Напротив, территория была зафиксирована вполне предметно – Сибирь, Кавказ, земли казачьих войск, западные и остзейские губернии²⁶. При том, что выбор детализированного описания территорий, на которые распространяются «особые правила», представляется вполне логичным, отметим, что в законодательных документах эпохи можно встретить формулировки «губернии вне Сибири»²⁷.

Территория, значение которой для формирования государства было очевидно и образ которой, сформированный из ключевых и эмоционально наполненных элементов

²³ Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России: По данным обследования, произведенного статистическими учреждениями Министерства внутренних дел, по поручению Статистического совета / Центр. стат. комитет. Т. 1–3, 5. СПб., 1880–1885.

²⁴ ПСЗ. Собрание 2. Т. 17. Ч. 1. № 15416. С. 202.

²⁵ РГИА. Ф. 734. Оп. 5. Д. 212. Л. 2 об.

²⁶ ПСЗ. Собрание 2. Т. 26. Ч. 1. № 25398. С. 530.

²⁷ См., например: ПСЗ. 2 Собрание. Т. 31. Ч. 1. № 30997. С. 794.

никогда не исчезал²⁸, становилась все более и более уменьшающейся, исчезающей или даже неназываемой. Интересно, что при изменении точки взгляда имя и границы этой территории идентифицировались достаточно легко. Находившиеся в Сибири декабристы и их жены в своих дневниках и переписке часто оперировали формулировками «уехать из России», «быть в России», «вернуться в Россию», называя великорусские губернии страны или Центральную Россию просто Россией²⁹.

УПРАВЛЕНИЕ

Фраза, вынесенная в заголовок статьи, принадлежит генерал-губернатору рязанскому, тульскому, орловскому, воронежскому и тамбовскому А. Д. Балашову. Она вынесена из отчета, который Балашов представил так называемому Комитету 6 декабря 1826 г.³⁰ Начиная свою записку о преобразованиях, осуществленных в регионе в последние годы правления Александра I, генерал-губернатор описывал доставшиеся ему в ведение губернии России как «край...от взора Монаршего несколько отдаленный». Балашов утверждал, что назначение на новую должность его не порадовало, особенно после того, как после проведенной в 1820 г. ревизии он обнаружил «все предметы в неимоверном запущении» и «ужаснулся таковому положению *внутренности Государства* (здесь и далее курсив мой. – Е. Б.), увидя его вблизи»³¹. Поразительным образом история Балашова, его недолгого генерал-губернаторства в Центральной России – пример, позволяющий увидеть, как именно территории великороссийских губерний, находившиеся недалеко от исторической столицы страны, оказывались в «отдалении» от монаршего взгляда.

В историографии сложилось представление, что генерал-губернаторства в России являлись институтом, который занимал исключительное положение в системе управления империей, выпадал из общего порядка губернского администрирования и по самой своей сути противоречил логике работы центральных министерств. А. В. Ремнев, предметно исследовавший систему генерал-губернаторской власти и существовавшие внутри нее противоречия, отмечал, что «неясность управленческого статуса генерал-губернатора может быть объяснена самой природой его полномочий, которые были своего рода «делегацией» (поручением) верховной власти, что, скорее, может быть описано, как «институт самодержца» с его «личными агентами», нежели рационально организованный механизм взаимодействия главы государства с подчиненными ему сотрудниками»³².

Равным образом принято отмечать, что система генерал-губернаторств была ориентирована на этнические и окраинные или пограничные территории империи, то есть была прямо связана со стремлением власти особым образом контролировать территории, где существовала необходимость решения особых политических задач, включая вопросы интеграции региона в империю.

²⁸ См., например: *Горизонтов Л. Е.* Внутренняя Россия... С. 201–216.

²⁹ См., например, переписку М. Н. Волконской: Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М., 2001. Т. XI. С. 43–44, 48–49.

³⁰ РГИА. Ф. 1167. Оп. 1. Д. 140. Л. 1.

³¹ Там же. Л. 23 об., 26 об. – 27 об.

³² См.: *Ремнев А. В.* «Тигр, заколотый гусиным пером». Казус западносибирского генерал-губернатора князя П.Д. Горчакова // *Acta Slavica Iaponica*, 2009. Т. 27. Р. 56–57.

Как известно, великорусские территории не включались (кроме проекта Александра I, о котором речь пойдет ниже) в существовавшую в империи систему генерал-губернаторств. Этот регион рассматривался как территория, на которой имперская управленческая модель должна функционировать в стандартном режиме. Действительно, с точки зрения центральной власти в великорусских губерниях подобная мера была не нужна – эти территории не воспринимались как сколько-нибудь особенные и к тому же были лояльными в политическом отношении, а, значит, власти губернаторов здесь было достаточно.

Развернутый в конце царствования Александра I и демонтированный практически сразу после вступления на престол Николая I проект введения на территории великорусских губерний системы генерал-губернаторств (наместничеств), и развернувшаяся вокруг него дискуссия позволяет иначе взглянуть на существовавшую систему. Как известно, Александра I предполагал разделить всю империю на 15 округов³³, из которых пять (помимо столичного московского округа) были целиком составлены из великорусских губерний³⁴. Эти решения императора принято увязывать с его конституционными устремлениями и тем, что, начав реализовывать проект в 1819 г., монарх «сделал первый шаг по пути практического осуществления... принципов конституционной реформы»³⁵. При этом в литературе высказывается предположение, что император стремился преодолеть обозначившуюся внесистемность генерал-губернаторской власти – «Александр I хотел сочетать оба института: министерства и генерал-губернаторов, приравненных к министрам. Вся империя делилась «в одних и тех же частях двояким образом, то есть: на ветви управительные и на округа управительные». Обе системы, контролируя друг друга, замыкались на императора...»³⁶.

В александровском проекте А. Д. Балашову, получившему в конце 1810-х гг. должность рязанского, тульского, орловского, воронежского и тамбовского генерал-губернатора,

³³ В последнее время история введения Александром I генерал-губернаторств в великорусских губерниях все чаще привлекает внимание исследователей. См., в частности: *Акулишин П. В.* Генерал-губернатор А. Д. Балашов и его реформаторские планы // *Материалы и исследования по рязанскому краеведению*. Т. 4. Рязань, 2003. С. 54–64; *Арутюнян В. Г.* Генерал-губернаторства при Александре I. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2008; *Тот Ю. В.* Полицейские учреждения в проектах преобразования местного управления А. Д. Балашова // *Россия в XIX–XX вв. Сборник статей к 70-летию Р. Ш. Ганелина*. СПб., 1998. С. 133–139; *Ефимова В. В.* Генерал-губернаторы Европейского Севера: место и роль в системе государственной власти и управления Российской империей (1820–1830 гг.). СПб., 2018.

³⁴ Территории были сгруппированы следующим образом: (1) Архангельская, Вологодская, Олонецкая губернии; (2) Владимирская, Костромская, Новгородская, Тверская, Ярославская губернии; (3) Рязанская, Тульская, Орловская, Воронежская, Тамбовская губернии; (4) Вятская, Оренбургская, Пермская губернии (5) Нижегородская, Казанская, Саратовская, Пензенская губернии. Кроме того, Псковская губерния вошла в состав генерал-губернаторства, включавшего в себя прибалтийские территории (Курляндскую, Лифляндскую и Эстляндскую губернии), Смоленская и Калужская губернии были присоединены к территориям белорусских Витебской и Могилевской губерний, а Курск – к малороссийским землям (Киевская, Полтавская, Слободско-Украинская Черниговская губернии).

³⁵ *Мироненко С. В.* Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989. С. 178.

³⁶ *Арутюнян В. Г.* Генерал-губернаторства при Александре I. С. 253.

отводилась особая роль. Это было первое подобное назначение во внутренние губернии России, а рязанское генерал-губернаторство должно было стать экспериментальным. Сам Балашов писал о назначении следующее: «14 ноября 1819 года назначен я генерал-губернатором пяти губерний, на что до того времени еще не было примера»³⁷. Действительно, за этим последовало несколько назначений генерал-губернаторов на русский север и на территории Поволжья. В историографии деятельность рязанского генерал-губернатора, как правило, оценивается критически, достигнутые им результаты считаются ничтожными, а сам эксперимент описывается как бессистемный и даже бессмысленный³⁸. В этом отношении решение Комитета 6 декабря 1826 г., предложившего Николаю I отказаться от планов предшественника, трактуется как логичное и предсказуемое.

Изучавший историю генерал-губернаторств при Александре I В. Г. Арутюнян справедливо отмечает, что «расформированию подлежали только округа, созданные в губерниях Центральной России»³⁹ и с этого момента система приобрела исключительно «окраинный» характер. Если пытаться проблематизировать, возникает вопрос: повлияло ли отсутствие генерал-губернаторской власти на формирование социальных и политических практик в регионе?

Прежде всего, отметим, что демонтаж генерал-губернаторского проекта в центральных областях означал сворачивание идеи широкого взаимодействия на уровне губерния – губерния. Отсутствие единого управленческого пространства, например, между Владимирской, Костромской, Новгородской, Тверской и Ярославской губерниями или Рязанской, Тульской, Орловской, Воронежской и Тамбовская губерниями означало сужение горизонта, отказ от связей, которые могли потенциально «сшить» макрорегион и переход на самый базовый уровень самоидентификации, объединяющий жителей исключительно в рамках границ конкретной губернии.

Отсутствие генерал-губернаторской власти означало также, что территории центра страны остались без агентов управления, способных прямо повлиять на решение проблем региона в центре. Редко кто из губернаторов великорусских областей, решая значимый для территории вопрос, мог дотянуться до императора подобно любому из генерал-губернаторов. Это хорошо отразил в одном из своих текстов генерал-губернатор А. Н. Бахметев, назначенный управлять Нижегородской, Казанской, Симбирской, Саратовской и Пензенской губерниями незадолго до смерти Александра I. Бахметев подал в тот же Комитет 6 декабря 1826 г. записку «О пользе и необходимости генерал-губернаторов». В ней содержались следующие рассуждения в пользу сохранения проекта:

«Генерал-губернатор, непосредственно сносясь с министрами, а в важных случаях имея право всеподданнейше доносить Вашему Императорскому Величеству, скорее может прекратить всякое открывшееся зло, и скорее приведет в исполнение

³⁷ РГИА. Ф. 1167. Оп. 1. Д. 140. Л. 15.

³⁸ См., например: *Предтеченский А. В.* Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX в. М.; Л., 1957. С. 406; *Ерошкин Н. П.* Местные государственные учреждения дореформенной России (1800–1860 гг.). М., 1985. С. 15–16. – Исключением является работа В. Г. Арутюняна, в которой дается предметный разбор как всего генерал-губернаторского проекта Александра I, так и деятельности А. Д. Балашова (*Арутюнян В. Г.* Генерал-губернаторства при Александре I).

³⁹ *Арутюнян В. Г.* Генерал-губернаторства при Александре I. С. 248.

всякое распоряжение правительства, относящееся к благоустройству и общей пользе. Напротив, губернатор вовсе не имеет сих способов, ибо он действует через губернское правление и есть не что иное, как председатель оного: действия же присутственных мест сопряжены всегда с медлительностью, происходящей от самой формы, предписанной им для отправления дел. А как в каждой губернии существует по три палаты, равных губернским правлениям, то по сему равновесию оных мест губернаторы не могут иметь и такового уважения, каким пользуются генерал-губернаторы, имеющие право и власть во всякое время ревизовать присутственные места, не исключая и губернских правлений, в коих сами они губернаторы присутствуют.

Генерал-губернаторы, будучи по должности своей наблюдать за правосудием, защищать утесненных, отвращать медлительность и проволочки по делам, покровительствовать вдов и сирот и пресекать всякие беспорядки, хотя и не имеют право вмешиваться в производство и решение дел по местам присутственным, но если найдет, что какое-либо место, не исключая и Губернаторское правление, решило пристрастно, то останавливает его решение и доносит Сенату. Такова власть, законом присвоенная генерал-губернатору... Сверх того к заслугам и чинам генерал-губернаторов, яко людей, отличившихся на поприще разных должностей государственных и приобретенных, всеобщую доверенность, жители управляемых ими губерний имеют полное уважение, необходимое для удержания их в тишине и покое»⁴⁰.

В своих рассуждениях о пользе генерал-губернаторств в центральных областях страны помимо очевидных трактовок об отсутствии доступа к императору и невозможности решать важные вопросы быстро, Бахметев пошел дальше, указав, на разницу в символическом капитале генерал-губернатора и рядового губернатора, что влияло, в свою очередь, на определение статуса управляемых ими территорий.

Символика

У региона, терявшего имя, пространство и возможности быть услышанным в столице, не могло не возникнуть проблем с символическим позиционированием. Принято думать, что исчезновение из поля зрения российской императорской власти Московии великокняжеских и раннецарских времен, как и не востребованность в символическом нарративе XVIII – начала XIX вв. ее главного символа, шапки Мономаха (своего рода Московской короны) было естественным и понятным процессом – с провозглашением империи шапку Мономаха просто заменила императорская корона. Примечательно, однако, что шапки (венцы) завоеванных в XVI в. Астраханского, Казанского и Сибирского царств регулярно появлялись в имперских шествиях и церемониях разного рода. Так, на сохранившемся изображении печальной залы Петра Великого в Зимнем дворце у изголовья гроба императора можно увидеть императорскую корону, Казанскую, Астраханскую и Сибирскую шапки. Схожая визуальная трактовка представлена и на коронационном портрете Екатерины II работы С. Торелли – на голове императрицы изображена императорская корона, а на столике перед ней шапки царств. Шапка Мономаха в обоих изображениях отсутствует⁴¹.

⁴⁰ РГИА. Ф. 1167. Оп. 1. Д. 77. Л. 1–2об.

⁴¹ См. о портрете С. Торелли: *Skvortcova E. Stephano Torelli's 'Coronation Portrait of Catherine II': Crowns as a Visual Formula of the Lands of the Russian Empire // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 10: Искусство. 2020. № 2. P. 274–299.*

Действительно, с началом имперского периода истории России шапка Мономаха словно бы исчезает из политически активного поля власти. В литературе принято указывать, что последний этим венцом «был венчан на царство царь Иван Алексеевич в 1682 году», а «в XVIII и XIX столетиях Шапка Мономаха, вместе с другими старинными регалиями, размещалась в Успенском соборе на особом столе “аналое”, принимая участие в императорских коронациях только как реликвия – “главная достопамятность Царского достоинства”»⁴².

На первый взгляд представление о том, что шапка Мономаха могла осмысляться как символ великороссийских губерний не кажется очевидным. Показательно, что в гербе империи второй половины XIX в. этот венец располагался над объединенным гербом Новгородского, Киевского Владимирского княжеств⁴³. При этом венец не соотносился прямо с Москвой. Вместе с тем материалы, отложившиеся в результате подготовки печальных шествий и похорон Александра I, демонстрируют несколько иную перспективу.

В феврале 1826 г. за несколько недель до похорон монарха в Петербурге глава Печальной комиссии князь А. Б. Куракин был вынужден объясняться с новым императором Николаем I относительно неожиданно возникшей проблемы, которую доставили князю москвичи. Жители древней столицы устроили покойному императору, тело которого перевозили из Таганрога, где он скончался, в Петербург пышные проводы. Разработанный здесь церемониал, к тому же опубликованный отдельной брошюрой с пометой «С дозволения правительства»⁴⁴ не совпал с ожиданиями Петербурга. Сформированный специально для прощания с Александром в древней столице «Комитет для устройства печальной церемонии» под руководством князя Н. Б. Юсупова, екатерининского вельможи, мецената и коллекционера, видевшего пожар Москвы 1812 г.⁴⁵, организовал колоссальное по размаху траурное шествие, во время которого гроб с телом императора провезли от границ города до Московского Кремля⁴⁶. При этом во время проводов Александра по улицам города пронесли хранившиеся в Оружейной палате исторические шапки и короны, в том числе и те, что не были назначены в церемонию (Грузинскую и Польскую)⁴⁷ и сформировали альтернативный по отношению к столичному образ имперской территории.

В северной столице московское фрондерство осознали только когда шествие уже состоялось. Князь писал по этому поводу императору, что «поставил себе в обязанность» доложить об инциденте, «предвидя неминуемые в публике толки о таковой в церемониалах обеих столиц разнице»⁴⁸. При этом он дал интересную оценку присланной москвичами в столицу Шапки Мономаха: «В числе регалий, привезенных

⁴² Музеи Московского Кремля. Виртуальные выставки: Шапка Мономаха. Режим доступа: <https://www.kreml.ru/exhibitions/virtual-exhibitions.regalii-russkikh-tsarey/shapka-monomakha/> (последнее посещение – 04.08.2022).

⁴³ ПСЗ. Собрание 3. Т. 2. № 1159. С. 433–434.

⁴⁴ Церемониал печальной процессии во время прибытия в столичный град Москву тела Государя императора Александра I. М., 1826; РГИА. Ф. 472. Оп. 8. Д. 7. Л. 267–285.

⁴⁵ РГИА. Ф. 472. Оп. 8. Д. 7. Л. 121–275 об.

⁴⁶ Там же. Л. 276–277 об.

⁴⁷ Там же. Л. 283 об. – 284.

⁴⁸ РГИА Ф. 472. Оп. 8. Д. 5. Л. 189 – 189 об.

сюда из Москвы для несения в предстоящей печальной процессии, доставлены также короны: Владимира Мономаха, Польская и Грузинская. *Взамен первой изготовлена здесь Императорская корона серебряная, вызолоченная*, а другие две по высочайшему Вашего Императорского Величества повелению, в процессии несены не будут. Все сии три короны я предполагаю хранить при Печальной комиссии до возвращения оных в Москву с прочими регалиями по окончании церемонии. Из помянутых трех корон: *Владимира Мономаха всегда была выписываема для процессии, хоть употребляема не была*⁴⁹. По сути, Куракин зафиксировал нестандартную форму использования шапки Мономаха – эта московская корона оказывалась признанной как ключевой символически предмет (она была «выписываема» из московской Оружейной палаты для церемонии императорских похорон), но была исключена из политического контекста.

Интересно, что в отличие от петербуржцев организаторы печального шествия 1826 г. в Москве продемонстрировали хотя и довольно робкое, но все же несогласие с такой позицией. В момент первого обсуждения вопроса об использовании регалий «Комитет для устройства печальной церемонии» во главе с Юсуповым сразу поставил вопрос о включении в процессию «короны Владимира Мономаха». При этом, перечисляя все необходимые для церемонии регалии, московские чиновники всегда выстраивали иерархию, начиная список именно с шапки Мономаха – «нужно привести сюда из Оружейной палаты императорские регалии: Короны Владимира Мономаха и царств Казанского, Астраханского, Сибирского и Таврического»⁵⁰.

У нас нет информации о том, как проходило обсуждение. Возможно, москвичи ощутили, что традиционно использовавшиеся регалии представляют собой неполный набор, среди них нет символа, который бы в полной мере представил их, московскую землю. В итоге, впрочем, от использования шапки Мономаха было решено отказаться. Вероятно, подобный жест показался москвичам антиимперским, а потому слишком радикальным⁵¹.

То, насколько показательным был отказ от использования шапки Мономаха, становится очевидным при сопоставлении действий петербургской Печальной комиссии в части поиска так называемой финляндской короны. Тело покойного императора еще находилось в Таганроге, а в столице едва был подавлен мятеж декабристов, когда Петербургская Печальная комиссия начала поиск финляндских регалий власти. Обсуждение этого вопроса между князем Куракиным и статс-секретарем Великого княжества Финляндского бароном Р. Ребиндером было коротким, но выразительным. Куракин писал своему корреспонденту: «...В приуроченную печальную процессию нужна корона, герб и другие регалии Великого княжества Финляндского... В следствие

⁴⁹ Там же. Л. 189 – 189 об.

⁵⁰ РГИА Ф. 472. Оп. 8. Д. 7. Л. 122 об. – 123.

⁵¹ Не имея возможности прямо апеллировать к символам Московского царства, москвичи прибегли к позиционированию образа собственной территории – исторического центра – «от противного», назначив в церемонии символ поверженного врага – Польши. Последнее было реализовано за счет включения в шествие так называемой «польской короны» – венца Станислава Августа Понятовского, польского короля, прямо ассоциировавшегося с раздами Польши конца XVIII в., отрекшегося и скончавшегося в России (Болтунова Е. М. Последний польский король. Коронация Николая I в Варшаве в 1829 г. и память о русско-польских войнах XVII – начала XX вв. М., 2022. С. 184–186).

чего покорнейше прошу Вашему превосходительству приказать заблаговременно все сии вещи приготовить и доставить в Печальную комиссию»⁵². Ответом на это было сообщение барона о том, что «короны и прочих регалий Великого Княжества Финляндии... вовсе не имеется»⁵³.

Сам по себе эпизод с поиском короны территории, не имевшей до вхождения в состав России собственной государственности, нельзя назвать просто забавным. Он показателен и демонстрирует ментальные установки российской политической элиты начала XIX в., в рамках которых территории на западе, присоединенные к империи в пост-просвещенческую эпоху автоматически воспринимались как политический субъект. Отношение к Центральной России в этом отношении было диаметрально противоположным – эти территории выпадали из зоны политического и вопрос о формировании образа региона посредством апелляции к политически значимому символу расценивался властью как совершенно неактуальный.

В целом, к середине XIX столетия Центральная Россия становилась территорией все более и более маргинализирующейся – она теряла имя, ощущение собственного пространства, право на укрепление, в том числе и на символическом уровне, единства большого региона. Она все чаще лишалась возможности прагматичного контакта с имперским центром. Все это, в итоге, сформировало систему, в рамках которой территории Центральной России соотносили свое существование с крайне ограниченным пространством губернии (город, уезд, губерния) или, напротив, пропуская макрорегиональный уровень, отождествляли себя непосредственно с государством.

Информация о статье

Автор: Болтунова, Екатерина Михайловна – кандидат исторических наук, профессор, заведующий Лаборатории региональной истории России, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, Москва, Россия, Orc ID 0000-0002-9233-2904, Researcher ID K-4795-2015, Scopus ID 57189845050; SPIN-код 3881-9568; e-mail: ekboltunova@hse.ru

Заголовок: «Край... от взора Монаршего несколько отдаленный»: Центральная Россия в первой половине XIX в.

Резюме: Статья посвящена истории Центральной России или великорусских / великороссийских губерний в первой половине XIX столетия, то есть в царствование Александра I и Николая I. Проанализировав вопросы присвоения имени и определения границ региона в рамках научных дискурсов, в связи с формированием управленческих практик и выработкой символического языка, автор приходит к выводу о последовательной маргинализации указанной территории как с точки зрения «взгляда извне», так и в рамках самоидентификации региона. Автор высказывает предположение, что сложившаяся модель восприятия Центральной России с течением времени обрела формы ментального конструкта, который оказался во многом неизменным даже при радикальной смене политических режимов (Российская империя, СССР, постсоветская Россия). Вопрос об административном управлении территории исследуется на примере генерал-губернаторского проекта Александра I, развернутого в великорусских губерниях, а затем демонтированного в начале царствования Николая I. Особое внимание уделено генерал-губернаторам А. Д. Балашову и А. Н. Бахметеву, интерпретируется записка последнего «О пользе и необходимости генерал-губернаторов» (1826 г.), содержащая аргументы в пользу сохранения генерал-губернаторств во внутренних губерниях Российской империи. В статье также дается обзор историографии по изучению Центральной России, материал представлен в сопоставлении с литературой, посвященной истории других макрорегионов страны.

⁵² РГИА Ф. 472. Оп. 8. Д. 8. Л. 279.

⁵³ Там же. Л. 280.

Ключевые слова: Центральная Россия, великорусские губернии, великороссийские губернии, ментальная география, шапка Мономаха, генерал-губернаторский проект, Николай I, Александр I, А. Д. Балашов, А. Н. Бахметев

Литература, использованная в статье:

Адамов, Михаил Владимирович. Восстановление и реконструкция стекольной промышленности Центральной России (1946–1965 гг.): На материалах Брянской, Владимирской, Горьковской, Калининской, Московской, Смоленской областей: Диссертация на соискание степени канд. ист. наук. Владимир, 2004. 200 с.

Акулова, Татьяна Михайловна. Земства Центральной России в период революционных потрясений: Март 1917 – май 1918 гг.: На материалах Костромской, Тверской, Ярославской губерний: Диссертация на соискание степени канд. ист. наук я. Владимир, 2007. 250 с.

Акульшин, Петр Владимирович. Генерал-губернатор А. Д. Балашов и его реформаторские планы // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Т. 4. Рязань, 2003. С. 54–64.

Арутюнян, Владимир Германович. Генерал-губернаторства при Александре I: Диссертация на соискание степени канд. ист. наук. Москва, 2008. 267 с.

Балдин, Кирилл Евгеньевич. Ивановский край в истории Отечества. Иваново: Ивановский институт повышения квалификации и переподготовки педагогических кадров, 1998. 150 с.

Берговская, Ирина Николаевна; Филлимонов, Виктор Яковлевич. Калужская Советская республика: История в документах. Калуга: Золотая аллея, 2012. 173 с.

Болтунова, Екатерина Михайловна. Последний польский король. Коронация Николая I в Варшаве в 1829 г. и память о русско-польских войнах XVII – начала XX вв. Москва: Новое литературное обозрение, 2022. 560 с.

Горизонтов, Леонид Ефремович. Внутренняя Россия на ментальных картах имперского пространства // Культура и пространство. Славянский мир. Москва: Институт Славяноведения РАН, 2004. С. 201–216;

Горизонтов, Леонид Ефремович. Образы Центрального региона Российской империи как отражение вызовов второй половины XIX – начала XX столетия // Механизмы власти. Трансформации политической культуры в России и Австро-Венгрии на рубеже XIX–XX вв. Москва: РГГУ, 2009. С. 83–91.

Ерошкин, Николай Петрович. Местные государственные учреждения дореформенной России (1800–1860 гг.). Москва: Московский государственный историко-архивный институт, 1985. 98 с.

Ефимова, Виктория Викторовна. Генерал-губернаторы Европейского Севера: Место и роль в системе государственной власти и управления Российской империей (1820–1830 гг.). Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2018. 832 с.

Иванова, Елена Геннадьевна. Комитеты крестьянской общественной взаимопомощи Западных губерний Центрального региона России: 1921–1927 гг.: Диссертация на соискание степени канд. ист. наук. Калуга, 2006. 203 с.

Крашенинников, Владимир Викторович. Из истории селений Брянского района. Брянск: БГУ, 2004. 344 с.

Лескинен, Мария Войттовна. Великоросс / великорус: Из истории конструирования этничности. Век XIX. Москва: Индрик. 2016. 680 с.

Люди империи – империя людей: Персональная и институциональная история Азиатских окраин России: Сборник научных статей / Отв. ред. Суворова, Наталья Геннадьевна. Омск: Издательство Омского государственного университета, 2021. 648 с.

Мартин, Терри. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. Москва: РОССПЭН, 2011. 664 с.

Мироненко, Сергей Владимирович. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. Москва: Наука, 1989. 238 с.

Околотин, Владимир Сергеевич. Ивановская промышленная область (1929–1936 гг.): Уроки экономической истории. Иваново: Ивановская государственная текстильная академия, 2009. 526 с.

Попова, Маргарита Петровна. На благо Владимирского края. Социокультурная деятельность предпринимателей Владимирской губернии (вторая половина XIX – начало XX вв.). Владимир: Транзит-ИКС, 2011. 191 с.

Предтеченский, Анатолий Васильевич. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX в. Москва; Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 1957. 456 с.

Регион в истории империи. Исторические эссе о Сибири. Москва: Новое издательство, 2013. 296 с.

- Ремнев, Анатолий Викторович. «Тигр, заколотый гусиным пером». Казус западносибирского генерал-губернатора князя П. Д. Горчакова // *Acta Slavica Iaropica*. 2009. Т. 27. С. 56–57.
- Сибирь в составе Российской империи / Под ред. Дамешек, Льва Михайловича; Ремнева, Анатолия Викторовича. Москва: Новое литературное обозрение, 2007. 368 с.
- Слезкин, Юрий Львович. СССР как коммунальная квартира, или каким образом социалистическое государство поощряло этническую обособленность // *Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период: Антология* / Сост. М. Дэвид-Фокс. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2001. С. 329–374;
- Тот, Юрий Викторович. Полицейские учреждения в проектах преобразования местного управления А. Д. Балашова // *Россия в XIX–XX вв.: Сборник статей к 70-летию Р. Ш. Ганелина*. Санкт-Петербург: Издательство «Дмитрий Буланин», 1998. С. 133–139;
- Хоскинс, Джеффри. Правители и жертвы. Русские в Советском союзе. Москва: Новое литературное обозрение, 2012. 544 с.
- Чайкин, Евгений Викторович. Православные страницы истории Калужского края: историко-краеведческое учебно-методическое пособие. Калуга: Калужский государственный институт развития образования, 2015. 184 с.
- Badcock, Sarah. A Prison without Walls? Eastern Siberian Exile in the Last Years of Tsarism. Oxford & New York: Oxford University Press, 2016. 195 p.
- Beer, Daniel. The House of the Dead: Siberian Exile Under the Tsars. New York: Knopf, 2017. 496 p.
- Evtukhov, Catherine. Portrait of a Russian province: Economy, society, and civilization in nineteenth-century Nizhnii Novgorod. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2011. 344 p.
- Gentes, Andrew A. Exile, Murder and Madness in Siberia, 1823-1861. New York: Palgrave Macmillan, 2010. 303 p.
- Hartley, Yanet. M. Siberia: A History of the People. London: Yale University Press, 2014. 322 p.
- Skvortcova, Ekaterina Aleksandrovna. “Stephano Torelli’s ‘Coronation Portrait of Catherine II’: Crowns as a Visual Formula of the Lands of the Russian Empire” // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия Искусствоведение*. 2020. Т. 10. Вып. 2. P. 274–299.

Information about the Article

Author: Boltunova, Ekaterina Mikhailovna – PhD in History, Professor, Head of Research Laboratory on the History of Russian Regions, Department of Humanities, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, Orc ID 0000-0002-9233-2904, Researcher ID K-4795-2015, Scopus ID 57189845050, SPIN-code 3881-9568; e-mail: ekboltunova@hse.ru

Title: “The land... somewhat distant from the Monarch’s view”: Central Russia in the first half of the XIX century

Abstract. The article examines the history of Central Russia, or what was known as the governorates of Greater Russia (*velikorusskiye / velikorossiyskiye gubernii*), in the first half of the 19th century, during the reigns of Alexander I and Nicholas I. The author starts with focusing on the naming of the region and tracing its borders – both as it appeared in research discourses and in the rising language of the authorities. Following on with a look at the new practices of administration and the language of symbols, the author concludes that the region was steadily marginalized both in the “outside gaze” and even in the region’s self-identification. The author suggests that over time this perception of Central Russia crystallized into a mental construct which largely survived numerous regime changes from the Russian Empire to the USSR to Post-Soviet Russia. A case for studying the administration of the territories is found in Alexander I’s project of governorates general (as it was put in practice in Greater Russia and then dismantled under Nicholas I). Special attention is paid to the work of governors general A. D. Balashov and A. N. Bakhmetev, most notably to the latter’s memorandum “On the advantage of and need for governors general” (1826). The document explores reasons for preserving the institute of governorates general in the Russian Empire’s hinterlands. The article also presents an overview of the research field as it can be applied to studying Central Russia as compared to the body of literature on the history of Russia’s other macro-regions.

Keywords: Central Russia, *velikorusskiye* provinces, mental geography, Monomah’s cap, Alexander I, Nikolay I, governor-general project, A. D. Balashov, A. N. Bakhmetev

References:

Adamov, Mihail Vladimirovich. *Vosstanovleniye i rekonstrukciya stekol'noy promyshlennosti Central'noy Rossii (1946–1965 gg.): Na materialah Bryanskoy, Vladimirskoy, Gor'kovskoy, Kalininskoy, Moskovskoy*,

- Smolenskoj oblasti [Restoration and reconstruction of glass industry in Central Russia (1946–1965): Research based on materials of Bryansk, Vladimir, Gorky, Kalinin, Moscow, Smolensk regions]. PhD thesis. Vladimir, 2004. 200 p. (in Russian).
- Akimova, Tatyana Mihaylovna. *Zemstva Central'noy Rossii v period revolyutsionnykh potryaseniy: Mart 1917 – may 1918 goda. Na materialah Kostromskoy, Tverskoy, Yaroslavskoy guberniy* [Zemstvo institutions on Central Russia at the period of revolutionary upheavals: March 1917– May 1918: Research based on materials of Kostroma, Tver, Yaroslavl provinces]. PhD thesis Vladimir, 2007. 250 p. (in Russian).
- Akul'shin, Petr Vladimirovich. General-gubernator A. D. Balashov i ego reformatorskiye plany [Governor-General A. D. Balashov and his reform plans], in *Materialy i issledovaniya po ryazanskomu kraevedeniyu*. Vol. 4. Ryazan', 2003. P. 54–64. (in Russian).
- Arutyunyan, Vladimir Germanovich. *General-gubernatorstva pri Aleksandre I* [Governorates-General under Alexander I]. PhD thesis. Moscow, 2008. 267 p. (in Russian).
- Badcock, Sarah. *A Prison without Walls? Eastern Siberian Exile in the last years of tsarism*. Oxford; New York: Oxford University Press, 2016. 195 p.
- Baldin, Kirill Evgenyevich. *Ivanovskiy kray v istorii Otechestva* [Ivanovo region in the history of Russia]. Ivanovo: Ivanovskiy institute povsheniya kvalifikatsii i perepodgotovki kadrov Press, 1998. 150 p. (in Russian).
- Beer, Daniel. *The House of the Dead: Siberian Exile under the Tsars*. New York: Knopf, 2017. 496 p.
- Bergovskaya, Irina Nikolayevna; Filimonov, Viktor Yakovlevich. *Kaluzhskaya Sovetskaya respublika. Istoriya v dokumentah* [Kaluga Soviet Republic. History in documents]. Kaluga: Zolotaya alleya Publ., 2012. 173 p. (in Russian).
- Boltunova, Ekaterina Mihaylovna. *Posledniy pol'skiy korol'. Koronatsiya Nikolaya I v Varshave v 1829 godu i pamyat' o russko-pol'skih voynah XVII – nachala XX vv* [The last king of Poland. Nicholas I's Polish coronation in Warsaw (1829) and historical memory on Russian-Polish wars in XVII – early XX centuries]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 2022. 560 p. (in Russian).
- Chaykin, Evgeniy Viktorovich. *Pravoslavnye stranicy istorii Kaluzhskogo kraja: Istoriko krayevedcheskoye uchebno-metodicheskoye posobie* [Orthodox history of Kaluga krai: handbook on local history and its teaching]. Kaluga: Kaluzhskiy gosudarstvennyy institut razvitiya obrazovaniya Press, 2015. 184 p. (in Russian).
- Dameshek, Lev Mihaylovich; Remnev, Anatolii Viktorovich (eds.) *Sibir' v sostave Rossiyskoy imperii* [Siberia as part of Russian Empire]. Moscow: Novoye literaturnoye obozrenie, 2007. 368 p. (in Russian).
- Efimova, Viktoriya Viktorovna. *General-gubernatory Evropeyskogo Severa: Mesto i rol' v sisteme gosudarstvennoy vlasti i upravleniya Rossiyskoy imperiy (1820–1830 gg.)* [Governors-General of European North: position and role in the system of state power and administration of the Russian Empire (1820–1830)]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin Publ., 2018. 832 p. (in Russian).
- Eroshkin, Nikolay Petrovich. *Mestnye gosudarstvennye uchrezhdeniya doreformennoy Rossii (1800–1860 gg.)* [Local state institutions in pre-reform Russia (1800–1860)]. Moscow: Moskovskiy gosudarstvennyy istoriko-arhivnyy institute Press, 1985. 98 p. (in Russian).
- Evtukhov, Catherine. *Portrait of a Russian province: Economy, society, and civilization in nineteenth-century Nizhnii Novgorod*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2011. 344 p.
- Gentes, Andrew A. *Exile, Murder and Madness in Siberia, 1823–1861*. New York: Palgrave Macmillan, 2010. 303 p.
- Horizontov, Leonid Efremovich. *Obrazy Central'nogo regiona Rossiyskoy imperii kak otrazhenie vyzovov vtoroy poloviny XIX – nachala XX stoletiya* [Images of central region of the Russian Empire as reflection of challenges in the second half of the XIX – early XX century], in *Mehanizmy vlasti. Transformatsii politicheskoy kul'tury v Rossii i Avstro-Vengrii na rubezhe XIX–XX vv*. Moscow: Rossiyskiy gosudarstvennyy gumanitarniy universitet Press, 2009. Pp. 83–91. (in Russian).
- Horizontov, Leonid Efremovich. *Vnutrennyaya Rossiya na mental'nykh kartakh imperskogo prostranstva* [Inner Russia on mental maps of imperial space], in *Kul'tura i prostranstvo. Slavyanskiy mir*. Moscow: Institut Slavyanovedeniya RAN Press, 2004. Pp. 201–216. (in Russian).
- Hartley, Yanet M. *Siberia: A History of the People*. London: Yale University Press, 2014. 322 p.
- Hosking, Geoffrey. *Praviteli i zhertvy. Russkie v Sovetskom soyuze* [Rulers and victims. Russians in the Soviet Union]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 2012. 544 p. (in Russian).
- Ivanova, Elena Gennadyevna. *Komitety krestyanskoj obshchestvennoy vzaimopomoshhi Zapadnykh guberniy Central'nogo regiona Rossii: 1921–1927 gg.* [Committees of peasant public assistance in Western provinces of Central Russia: 1921–1927]. PhD thesis. Kaluga, 2006. 203 p. (in Russian).

- Krashennnikov, Vladimir Viktorovich. *Iz istorii seleniy Bryanskogo rayona* [On history of villages in Bryansk region]. Bryansk: Bryansk state university Press, 2004. 344 p. (in Russian).
- Leskinen, Mariya Voytvtovna. *Velikoross / velikorus: Iz istorii konstruirovaniya etnichnosti. Vek XIX* [Velikoross / Velikorus: On history of ethnicity construction. XIX century]. Moscow: Indrik Publ., 2016. 680 p. (in Russian).
- Martin, Terry. *Imperiya "polozhitel'noy deyatel'nosti". Natsii i natsionalizm v SSSR, 1923–1939* [The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939]. Moscow: ROSSPeN Publ., 2011. 664 p. (in Russian).
- Mironenko, Sergey Vladimirovich. *Samoderzhaviye i reformy. Politicheskaya bor'ba v Rossii v nachale XIX v.* [Autocracy and reforms. Political struggle in Russia at the beginning of XIX century]. Moscow: Nauka Publ., 1989. 238 p. (in Russian).
- Okolotin, Vladimir Sergeevich. *Ivanovskaya promyshlennaya oblast' (1929–1936 gg.): Uroki yekonomicheskoy istorii* [Ivanovo Industrial Region (1929–1936): Lessons of economic history]. Ivanovo: Ivanov staty textile academy Press., 2009. 526 p. (in Russian).
- Popova, Margarita Petrovna. *Na blago Vladimirskogo kraya. Sotsiokul'turnaya deyatel'nost' predprinimateley Vladimirskoy gubernii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.)* [For the good of Vladimir land. Social and cultural activity of entrepreneurs in Vladimir province (second half of XIX – early XX centuries)]. Vladimir: Tranzit-IKS Publ., 2011. 191 p. (in Russian).
- Predtechenskiy, Anatoliy Vasilyevich. *Ocherki obshchestvenno-politicheskoy istorii Rossii v pervoy chetverti XIX v.* [Essays on the social and political history of Russia in first quarter of XIX century]. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences USSR Press, 1957. 456 p. (in Russian).
- Region v istorii imperii. Istoricheskie yesse o Sibiri* [Region in the history of the Empire. Historical essays on Siberia]. Moscow: Novoye izdatel'stvo Publ., 2013. 296 p. (in Russian).
- Remnev, Anatoliy Viktorovich. «Tigr, zakolotyty gusinyim perom». Kazus zapadnosibirskogo general-gubernatora knyazyza P. D. Gorchakova [“Tiger stabbed with a goose feather”. The case of West Siberian Governor-General Prince P.D. Gorchakov], in *Acta Slavica Iaponica*. 2009. Vol. 27. P. 56–57. (in Russian).
- Skvortcova, Ekaterina Aleksandrovna*. “Stephano Torelli’s ‘Coronation Portrait of Catherine II’: Crowns as a Visual Formula of the Lands of the Russian Empire”? in *Vestnik of Saint Petersburg University. Seriya Arts*. 2020. T. 10. Vol. 2. P. 274–299.
- Slezkin, Yuriy. SSSR kak kommunal'naya kvartira, ili kakim obrazom sotsialisticheskoye gosudarstvo pooschryalo etnicheskuyu obosoblennost' [The USSR as a communal apartment, or how a socialist state promoted ethnic particularism], in *Amerikanskaya rusistika: Vehi istoriografii poslednih let. Sovetskiy period: Antologiya*. Samara: Samarskiy universitet Press, 2001. Pp. 329–374. (in Russian).
- Suvorova, Natalya Gennadyevna; Mulina, Svetlana Anatolyevna; Zhigunova Marina Aleksandrovna (eds.) *Lyudi imperii – imperiya lyudey: Personal'naya i institutsional'naya istoriya Aziatskih okrain Rossii*: Sbornik nauchnykh statey [People of Empire – Empire of People: Personal and institutional history of Russia's Asian outskirts: Collection of articles]. Omsk: Omskiy gosudarstvenniy universitet Publ., 2021. 648 p. (in Russian).
- Tot, Yuriy Viktorovich. *Policeyskie uchrezhdeniya v proektah preobrazovaniya mestnogo upravleniya* A. D. Balashova [Police institutions in A. D. Balashov's projects of local government transformation], in *Rossiya v XIX–XX vv.: Sbornik statey k 70-letiyu R. Sh. Ganelina*. St Petersburg: Dmitriy Bulanin Publ., 1998. Pp. 133–139. (in Russian).